

6. Кремнева Т.А. К вопросу об основных характеристиках памятников китайской каллиграфии периода Западного Чжоу // Вестник современных исследований. – 2018. – С. 628-629.
7. Куланина Е.М. Каллиграфические традиции в культуре и образовании современного Китая // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 3 (11). – С. 143-157.
8. Монгуш Н.О. Каллиграфия китайской письменности // Россия, Запад и Восток: диалог культур: материалы Первой Международной молодежной научно-практической конференции. – 2014. – С. 156–159.
9. Тупичкина Е.А. Психолого-педагогические ресурсы китайской каллиграфии в развитии личности // Мир образования – образование в мире. – 2020. – С. 78-84.

Натале Мария Кьяра (Италия),
Владимирова Татьяна Леонидовна (Россия),
Ануфриева Марина Александровна (Россия)

Неаполитанский университет Л'Ориентале, г. Неаполь,
Томский политехнический университет, г. Томск,

Научные руководители:

Владимирова Татьяна Леонидовна, к. филол. н., доцент;
Ануфриева Марина Александровна, к. филол. н., ст. преподаватель

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИОЛЕКТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Социолект, или социальный диалект, – термин, который появился в лингвистике XX в. Под социолектом понимают речевые особенности, характерные для какой-либо социальной группы (профессиональной, возрастной, субкультуры и т.п.).

Следует отметить, что в современной лингвистике нет единого подхода к классификации социолектов, в различных источниках можно встретить использование таких понятий, как жаргон, сленг, аргю. В лингвистическом энциклопедическом словаре отсутствует термин «социолект», дается толкование понятий «жаргон», «аргю», «сленг» [1].

Б.А. Серебренников отмечает, что в лингвистических исследованиях «термины “аргю” и “жаргон” употребляются нетерминологично, нередко выступая как синонимы. Термину “жаргон” иногда придается стилистически сниженное значение, наблюдается стремление закрепить

этот термин за наименованием замкнутой речевой системы какой-нибудь антиобщественной социальной группы, ср. например, “воровской жаргон”» [2]. Исследователь, дополняя классификацию социальных вариантов речи В.Д. Бондалетова, предлагает следующую систематизацию: профессиональные лексические системы, групповые, или корпоративные, жаргоны, жаргоны деклассированных, условные языки [2].

Г.М. Лисина в своей статье «Термины “социолект”, “арго”, “жаргон”, “сленг”, “интержаргон” в современном русском языке» на материале различных словарей (толковых, этимологических, иностранных слов) рассматривает отличительные черты этих понятий [3].

Наш исследовательский интерес связан с изучением функционирования тюремно-лагерного социолекта (жаргоны деклассированных), под которым понимается специфическая речь, сформировавшаяся в Советском Союзе в системе исправительно-трудовых лагерей (СЛОН, ГУЛАГ). Количество осужденных, находившихся в разные годы в лагерях, было огромным. Например, в 1935 г. численность заключенных ГУЛАГа составляла 965 742 человека, в 1950 г. – 2 561 351 человек [4]. В лагерях находились представители всех социальных слоев общества, разных национальностей, возрастов, политические заключенные отбывали наказание вместе с уголовниками. Поэтому на формирование тюремно-лагерного социолекта в той или иной степени оказали влияние все группы социальных вариантов речи: профессиональные, групповые жаргоны, жаргоны деклассированных.

Изучение тюремно-лагерного социолекта интересно тем, что он демонстрирует способность языка не только служить средством коммуникации, но и передавать информацию о ценностях, истории, тенденциях развития общества. Язык – живой организм, который постоянно развивается, живо реагируя на изменения политической, общественной, экономической ситуации. Слова в социолекте приобретают новые значения, они отражают среду, в которой появляются и развиваются, а также мысли, заботы и интересы тех, кто их использует.

В своей статье «Лагерный язык Колымы» Н. Добротворский пишет, что корни воровского жаргона уходят в XV в., когда большое количество греков переехало в Русь и начало торговать. Русские называли их афинянами (из греческого города Афины). Чуть позже всех этих торговцев-разносчиков стали называть «офинеями» или «офенами». Офени стали использовать тайный язык, может быть, чтобы скрыть информацию о товаре, или, наоборот, чтобы обмануть покупателя. Исследователи отмечают, что преступники часто рождались в этой торговой среде. Таким образом, постепенно язык офеней и стал блатным жаргоном [5].

В XIX в. уголовный жаргон широко распространился в преступном мире. Скорее всего, в то время он был известен как «блатная музыка» [6]. Сначала это был очень фрагментарный жаргон, или, точнее, ряд связанных, но разных жаргонов. Он никогда не был настоящей заменой русскому языку. Уголовный жаргон представлял собой параллельную систему новых слов, уже существующих слов с новыми значениями и общепринятых фраз, которые имели скрытые значения. Таким образом, преступники могли скрывать смысл своих разговоров и доказать свою социальную идентичность. Как и многие другие подобные социолекты, «феня» состоит из заимствований из других жаргонов, а также из иностранных языков.

В первой половине XX в. тюремно-лагерный социолект достиг такого уровня стандартизации, что стал «языком повседневного общения» для многочисленных заключенных в ГУЛАГе. Язык кодифицировал пространство исправительно-трудовых учреждений и выполнял прагматическую, нормативную и дидактическую функцию. Уголовные преступники с помощью жаргона «пропагандировали» свою систему ценностей среди заключенных лагерей, устанавливая таким образом свои нормы поведения. Например, одним из их главных правил было никогда не работать честно и, следовательно, никогда не подчиняться государству. Воры глубоко презирали тех, кто честно зарабатывал деньги и предателей воровского кодекса.

Как утверждает Н. Добротворский, происхождение многих жаргонизмов уходит корнями в русскую историю. Например, слово «бабки» означает «снопы в полях». Крестьяне царской России так мерили свои урожаи – бабками. Другая часть криминального языка состоит из переделанных иностранных слов, как например, *шарамыжник* – от французского “*cher ami*”, или *шопошник* – магазинный вор, от английского “*shop*”. Преступники в лагерях разговаривали друг с другом на ломаном русском, неизвестном диалекте, смешанном с ивритом, немецкими, английскими, цыганскими и татарскими словами [5]. Для тюремно-лагерного социолекта характерно использование словосочетаний и целых выражений вместо слов (когти рвать – «убегать», *горбатого лепить* – «обманывать»), а также чрезмерное использование вспомогательных глаголов (*сделать связку* – вместо «связать», *делать кражу* – вместо «красть») [5].

Часто слово в воровском жаргоне имеет много значений. Это происходит с использованием тропа или метафоры, которая придает слову особый красочный оттенок. Е.В. Пархоменко в своей статье «Всегда ли мы понимаем? (опыт осмысления уголовного жаргона)», исходя из предположения, что язык символичен по своей природе, утверждает,

что многие слова были включены в криминальный жаргон из профессионального языка моряков, а также из языков разных народов, следуя логике – логике мышления. Символы, метафоры и полисемия не являются неправильными лингвистическими формами или просто литературными украшениями текста, а позволяют постоянно обновлять и создавать новые значения. По ее мнению, «слова переиначиваются согласно своей логике: для определенного термина подбирается соответствующий эквивалент, причем какие-либо признаки, присущие ему, характерны и для термина, например: дымок – «табак» (соединение по дыму), *корова* – осужденный на съедение беглец, *котел* – «голова» (сходность формы) <...> Употребление жаргона по привычке, «без мотивации» делает его живым органом современного языка. Следовательно, можно говорить о том, что арго как специфический профессиональный язык запечатлевает определенный стиль мышления» [7].

Следует отметить, что слова тюремно-лагерного социолекта распространились далеко за пределы преступного мира: их можно встретить в СМИ, кинематографе, художественной литературе, разговорной речи. Приведем некоторые примеры.

С начала 1990-х гг. некоторые слова тюремно-лагерного социолекта начали активно использоваться в СМИ: *крутой, тусовка, тусоваться, кинуть, мочить, беспредел, малина, лох* и производные от него слова – *лохушка, лохотрон, лохотронщик* и др. Например, газетные заголовки – «Лоху кругом плохо» (Труд, 2001, 19 июня), «Инструкция для лохов» (Труд, 2006, 24 авг.), а также заголовки на сайтах различных интернет-изданий – «Как разводят лохов на фондовом рынке» (<https://legart.livejournal.com/212643.html>), «Форекс – развод доверчивых лохов» (<http://forextactic.ru/форекс-развод.html>), «"Без лоха жизнь плоха": зрители "России 1" о жертвах "серого" бьюти-рынка» (<https://www.vesti.ru/article/2510245>), «Инвестиционный лохотрон: популярные способы потерять деньги в 2020 году, часть вторая» (<https://vc.ru/finance/123133-investicionnyy-lohotron-populyarnye-sposoby-poteryat-svoi-dengi-v-2020-godu-chast-vtoraya>) и др.

Кроме СМИ, слова тюремно-лагерного социолекта можно услышать в современной речи, – *стрельнуть, тянуть резину, пацан, лады, лафа, кумекать, кореш, житуха, заначка* и др. [5].

Советский и российский кинематограф также представляет богатый иллюстративный материал для анализа функционирования тюремно-лагерного социолекта. Знаменитый советский фильм «Место встречи изменить нельзя» режиссера С. Говорухина, снятый по роману братьев Вайнеров «Эра милосердия» в 1979 г., рассказывает о борьбе советской милиции с бандами в послевоенное время. Фраза одной из героинь –

Маньки Облигации: «Не бери на понт, мусор!» представляет яркий образец уголовного жаргона. С начала 1990-х гг. и по настоящее время в России снимается огромное количество детективных, криминальных сериалов, в которых часто используются слова тюремно-лагерного, воровского, уголовного социолекта.

Трагические страницы советской истории, связанные с многочисленными репрессиями 1930–1950-х гг., стали предметом осмысления в творчестве многих писателей XX в. – бывших узников лагерей: А.И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ», В.Т. Шаламов «Колымские рассказы», О.В. Волков «Погружение во тьму», Ю.О. Домбровский «Факультет ненужных вещей» и др. Жаргонная лексика в художественных произведениях используется для создания образа лагеря, речевой характеристики героев.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на процессы жаргонизации, характерные для современной речи, жаргонная лексика находится за пределами литературного языка. Частое использование жаргонизмов в устной и письменной речи приводит к снижению их экспрессивности, к утрате их первоначального смысла – демонстрации принадлежности к автономной социальной группе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь // URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 15.03.2021).
2. Серебренников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: 1970. – С. 451–501 [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/serebrennikov-70a.htm> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Лисина Г.М. Термины “социолект”, “арго”, “жаргон”, “сленг”, “интержаргон” в современном русском языке // Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика. Сб. статей / под общ.ред. Л.А. Мардиевой, Т.Ю. Щуклиной. – Казань, 2019. – С. 81–88.
4. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – 1991. – № 6–7.
5. Добротворский Н. Лагерный язык Колымы. Часть вторая. [Электронный ресурс]. – режим доступа:

<https://kolyma.ru/index.php?newsid=84939> (дата обращения: 15.03.2021)

6. Galeotti M. *The Vory Russia's super mafia*. – Yale University Press, 2018. – 66 p.
7. Пархоменко Е.В. Всегда ли мы понимаем? (опыт осмысления уголовного жаргона) [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsegda-li-my-ponimaem-opyt-osmysleniya-ugolovnogo-zhargona/viewer> (дата обращения: 2010)

Нгуен Ле Ань Фыонг (Вьетнам)

Институт социальных и гуманитарных наук
при Вьетнамском Национальном университете, г. Хошимин

Научный руководитель: Буй Ми Хань, к.ф.н.,
заведующий кафедрой теории языка

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЛОВА «КОГДА» НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА «ДАМА С СОБАЧКОЙ» И «СТЕПЬ»

В статье рассматриваются трансформации, употребляющиеся при переводе слова *когда* на вьетнамский язык в рассказах А.П. Чехова «Дама с собачкой» и «Степь».

Ключевые слова: переводческие трансформации, слово *когда*, добавления, замены, перестановки, опущения.

Рассмотрение переводов с одного языка на другой является эффективным и информативным подходом к изучению языковых явлений. Тем более, слово *когда* играет важную роль в лингвистике в целом и в изучении русского языка как иностранного, в частности. На этом основании в данной статье мы проводим изучение переводческих трансформаций слова *когда* на вьетнамский язык в рассказах А.П. Чехова «Дама с собачкой» и «Степь». До сих пор данные рассказы были переведены лишь вьетнамскими переводчиками Фан Хонг Жанг и Као Суан Хао в сборнике «Рассказы А.П. Чехова».

Переводческие трансформации – это определенные отношения между двумя языковыми или речевыми единицами, из которых одна является исходной, а вторая создается на основе первой, а переводческие трансформации – многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения